

Музыкальный романъ

архив
Волкова „Луиза“.

Густава Шарпантье.

Первое дѣйствіе. Мансарда въ квартирѣ рабочей семьи. Единственная, нѣжно отцомъ любимая дочь—Луиза въ отсутствіе родителей трепетно переговаривается съ поэтомъ-богемой Жюльеномъ, выглядывающимъ изъ окна' противоположнаго дома. Не внявшія слова молодой любви... Она вспоминаетъ лепестки розъ, которыми была засыпана въ случайную съ нимъ вечернюю встрѣчу. Онъ—тотъ принцъ, что придетъ изъ волшебной сказки будить дремлющее сердце прекрасной. Но мать застаетъ запретный разговоръ и разражается гнѣвомъ. Возвращающійся вскорѣ съ работы отецъ собираетъ семью за ужиномъ. А подъ прозаическія подробности картины ужина, подъ банальный разговоръ и послѣдующую сіесту отца, читающаго письмо Жюльена, ясно kloпочутъ въ музыкѣ таящіяся въ душахъ эмоціи: боязливая надежда влюбленной Луизы, разсерженность матери, нѣжная заботливость отца. Бурное объясненіе съ матерью приводитъ Луизу въ слезы. Вдохливая, она садится читать отцу газету. Но хроника повѣствуетъ о пробуждающейся въ Парижѣ веснѣ... Раны сердца дѣвушки растрavляются. Часы бѣгутъ десять, и подъ вырывающееся у Луизы рыданье занавѣсъ падаетъ.

Первая картина II дѣйствія. Уголокъ пробуждающагося раннимъ, еще сумеречнымъ весеннимъ утромъ Парижа. На перекресткѣ гарсонъ разставляетъ столики кофейной. Справа открытая насть лѣстницы, ведущей въ мастерскую дамскихъ нарядовъ. Сидутъ поваръ въ окнѣ. Молочница, угольщикъ, метельщикъ и проч. мелкій людъ за своими занятіями. Появляется символизирующій „наслажденіе Парижа“ ночной гуляка. Онъ останавливается со старикомъ-тряпичникомъ и опробидываетъ его. Тряпичникъ вспоминаетъ о гибели дочери, жертвы наслаждающагося города. Сценка между парижскимъ гаманомъ и блюстителемъ порядка. Но вотъ входитъ, озираясь, банда богемы, и среди нихъ—Жюльенъ. Онъ подстерегаетъ приходъ Луизы, рѣшившись уговорить ее ѣйти отъ родителей. Эти старанія составляютъ главное содержаніе картины. Но явленія уличной

жизни идутъ своей обычной чередой. Проходитъ всякій людъ. Въ воздухѣ звенятъ характерные выкрики торговцевъ въ разность... И въ властной неуниваемости жизни главное содержаніе проходитъ передъ зрителемъ какъ бы уворованнымъ отъ жизни эпизодомъ. Подъ замирающій, юрко тонущій въ весенней дали выкрикъ разностицы: „зеленъ, зеленъ“ медленно спускается занавѣсъ.

Вторая картина II дѣйствія. Мастерская дамскихъ нарядовъ. Мастерницы весело переговариваются за работой. Нѣкоторыя поютъ. Въ сторонѣ отъ прочихъ молчаливая Луиза шьетъ. Ея замкнутость привлекла вниманіе подругъ: „Не влюблена ли?“ Разсказъ Ирмы о Парижѣ, объ его неострашимыхъ соблазнахъ поемному сосредоточиваетъ вниманіе всѣхъ мастерницъ, живой картиной отозвавшихся на произведенное разсказчицей обаяніе. „То голосъ Парижа“—вторятъ Ирмѣ молодыя работницы... Внезапно раздавшіеся на улицѣ звуки духового оркестра поднимаютъ на ноги и бросаютъ къ окнамъ всю мастерскую. Невидимый на улицѣ пѣвецъ (Жюльенъ) поетъ Луизѣ страстные призывы, манить ее въ отдаленную страну—лазурную обитель надежды. Дѣвушки рукоплещутъ. Второй куплетъ, еще болѣе трогательный, дѣйствуетъ такъ заразительно, что мастерницы въ единодушномъ порывѣ поддаются влеченію, выливающемуся полнымъ красоты хоромъ. Но Жюльенъ переходитъ къ упрекамъ возлюбленной. Переменная не нравится, озлобляетъ, и вся мастерская единодушно протестуетъ и затѣмъ шумно глумится надъ лѣвцомъ. Не выдержавшая всей этой сцены, Луиза уходитъ изъ мастерской, а подруги ея, увидѣвъ, что Луиза примынула къ Жюльену, провожаютъ ихъ уходъ громомъ хохота.

Третье дѣйствіе. Садикъ на высотѣ Монмартра. У ногъ—ланорама Парижа. Луиза и Жюльенъ—вмѣстѣ. Продолжительная сцена, полная любовной страсти. Затѣмъ приходъ богемы и вѣнчаніе Луизы музой Монмартра. „Наслажденіе Парижа“ въ образѣ палы шутовъ руководитъ празднествомъ. Приходъ матери разстраиваетъ торжество. Луиза слѣдуетъ за ней къ захворавшему отцу.

Четвертое дѣйствіе возвращаетъ насъ къ мансардѣ, къ больному отцу, улаживающей за нимъ матерью и тоскующей по Жюльену Луизѣ. Дѣйствіе заключается тяжелой сценой. Исчерпавъ тѣсно всѣ сре-

Молова, новый театр (опера Заминина)

ства къ удержанію дочери п сраженный неминуемостью ея ухада,—отецъ самъ горнить ее. Дѣйствіе кончается изступленнымъ, угрожающимъ возгласомъ потерявшего дочь отца: „О, Парижъ!“

Этимъ истощивается содержаніе музыкальнаго романа „Луиза“.

Въ области музыкальнаго - сценическаго творчества „Луиза“ Шарпантье предстаетъ мнѣ изъ ряда вонъ выходящимъ явленіемъ. Никогда никому изъ музыкальныхъ авторовъ, ни въ одномъ изъ написанныхъ для сцены произведеній не удавалось до сихъ поръ въ такой мѣрѣ, какъ Шарпантье, приблизиться къ жизни, къ жизненной правдѣ, къ естественному, органическому сліянію музыкальныхъ формъ съ драматическимъ дѣйствіемъ. Имъ блестяще разрѣшена въ „Луизѣ“ задача, по мнѣнію многихъ считающаяся неразрѣшимой: быть въ одно и то же время художественнымъ и жизненно-правдивымъ, довести до полного сліянія ходъ дѣйствія, слово и музыку; свести ихъ безъ компромиссовъ такъ, чтобы дать иллюзію *новаго искусства* при помощи одновременнаго примѣненія сцены, рѣчи и звуковъ, излагающихъ жизнь, реальную жизнь, такой, какою она въ дѣйствительности есть.

Первая и вторая картины второго дѣйствія „Луизы“, изображающія уголокъ Парижа и мастерскую дамскихъ нарядовъ,—настоящіе шедевры; картины эти выхвачены изъ подлинной жизни, безъ прикрасъ, безъ малѣйшихъ отъ нея отступленій, и въ то же время онѣ художественны въ полной мѣрѣ. Чѣмъ и какъ достигнуть подобнаго результата—неважно. Свелъ ли Шарпантье музыку къ тому минимуму, при которомъ она не гнететъ сценическаго положенія; послѣднія ли подобраны такъ, что музыкальное ихъ изображеніе всегда естественно, но сліяніе ихъ—идеально. Названные главы музыкальнаго романа, установившія равновѣсіе въ отношеніи требованій глаза и уха, знаменуютъ собой новую страницу въ исторіи музыкально-сценическаго творчества. Въ естественной эволюціи искусства отъ вымышленно условнаго къ художественно-реальному названные сцены такой шагъ впередъ, что могутъ послужить т. н. навѣрное, послужать образцомъ для будущихъ композиторовъ на долгое время и ускорятъ окончательный распадъ многихъ, давно уже расшатанныхъ принциповъ и пріемовъ прежней репертуры опернаго письма.

Лишь было могу отмѣтить здѣсь нѣкоторые изъ пріемовъ, которымъ Шарпантье обязанъ достигнутыми имъ замѣчательными результатами.

Наиболѣе существенный—это идеальная, органическая слитность дуэтовъ, ансамблей и хоровъ со сценическими положеніями, ихъ вызвавшими, безупречная *мотивировка* каждой изъ перечисленныхъ формъ музыкальнаго выраженія.

Затѣмъ тонкое примѣненіе штриховъ, значительныхъ по содержательности символовъ (ночной гуляка, трапичникъ).

Наконецъ, примѣненіе хореографіи въ качествѣ усиливающаго впечатлѣніе даннаго момента фактора (пляска мастерицъ изъ негодованія и желанія заглушить надѣвшаго имъ Жульена. Танецъ Луизы въ послѣднемъ дѣйствіи, удваивающій энергію ея протеста противъ загроможденія отъ нея жизни, Парижа...).

Значительной долей своего успѣха „Луиза“ обязана и самой музыкѣ. Шарпантье создалъ свою поэму любви и утара подъ сильнымъ вліяніемъ лучшаго въ этомъ отношеніи образца „Тристана и Изольды“, прибавивъ къ тому еще и лучшія стороны французской школы: легкость, прозрачность, остроуміе. Въ „Луизѣ“ много смѣлаго, эффектнаго, и вся она музыкально сплелась очень красиво.

Выдѣливъ второе дѣйствіе, я, отнюдь, не желая этимъ высказать менѣе одобрительно о первомъ, третьемъ и четвертомъ. Возможно, что и они стоятъ на той же высотѣ по совершенству замысла, какъ и второе. Но въ исполненіи этихъ дѣйствій не было еще достигнуто того идеальнаго сліянія съ пьесой, какое имѣло мѣсто въ двухъ картинахъ второго.

Спектаклемъ 16-го сентября всѣ участвующие въ „Луизѣ“ какъ бы вырвали себя вѣтку изъ того вѣнка, которымъ не одна Москва вѣнчала нашъ „Художественный театръ“. Съ пожеланіемъ театру Зимина дальнѣйшихъ шаговъ въ сторону осуществленія дѣйствительно *художественной оперы* выскажу, какъ слушатель, свою благодарность за доставленное наслажденіе всѣмъ, давшимъ возможность познакомиться съ „Луизой“ вообще, а П. С. Оленину и Е. Е. Плотинову, какъ главнымъ руководителямъ,—въ особенности.

Г. Конюсъ.